

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2000 г. И ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ («круглый стол»)

М.В.Ильин

РАЗВИТИЕ РОССИИ: ОТ МЕЧТАНИЙ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ РАСЧЕТУ

20 марта с.г. в Фонде «Российский общественно-политический центр» состоялся «круглый стол» на эту тему. Инициаторами его проведения стали политологи, постоянные авторы журналов «ПОЛИТИЯ» и «Полис». В «круглом столе», сопредседателями которого были д.и.н., главный редактор «Полиса» М.В.Ильин и д.и.н., главный редактор «ПОЛИТИЯ» А.М.Салмин*, участвовали: к.п.н. С.И.Каспэ (Фонд «РОПЦ»), д.ф.н. И.М.Клячкин (Институт социологического анализа), д.ф.н. А.С.Кузьмин (ИГПИ), ст.н.с. В.В.Лапкин (ИМЭМО РАН), д.п.н. В.М.Сергеев (МГИМО МИД РФ), д.и.н. С.М.Хенкин (Фонд «РОПЦ»), д.ф.н. Е.Б.Шестопал (МГУ). Выступления участников приводятся с некоторыми сокращениями. Материалы «круглого стола» будут опубликованы также в «Полисе».

Последние полтора десятка лет перемен сначала в СССР, а затем и в новой России проникнуты потребностью понять, что же происходит, что ждет нас впереди, куда идет Россия, какой выбор благодатен, а какой – катастрофичен. Жанры при этом используются самые различные: от газетной публицистики до претендующих на научность монографий. Их общей приметой, однако, была и остается одна черта – мечтательность. Прекраснодушные упования на то, что «заграница нам поможет», и мы без помех присоединимся к мировому цивилизованному сообществу, сменили ничуть ни менее фантастические суждения, что Запад нас предал, обманул и т.п. Померкнувшие надежды, что «судьбоносные решения» позволят нам «догнать и перегнать», дополнили чаяния чуда, ожидаемого, например, от особой предрасположенности России к «постмодерну», который наверняка выведет нас на самые «передовые рубежи». Ничуть не менее яркими были и остаются катастрофические «антимечтания».

Цель моя, однако, отнюдь не в том, чтобы упрекнуть авторов разного рода сценариев развития России в мечтательности. Напротив, подобные размышления и прогнозы необходимы и даже полезны. Упрек мой скорее обращен к тем коллегам-политологам, которые не склонны дополнить столь необходимые предположения о нашем будущем профессиональной оценкой вероятности того или иного хода событий, а главное – надежным суждением о смысле и последствиях тех или иных действий. Мечтать надо («хотеть, как лучше» или «бояться, как хуже»), но чтобы не получалось «как всегда», нужно дополнять мечтания расчетом – причем расчетом не житейской хитрости, а государственных интересов.

Мне, пожалуй, возразят, сказав, что как раз в последнее время все ошутимее становится прагматический настрой. Верно, вот уже года полтора есть все основания отмечать появление запроса на прагматическую политику¹, что отвечает общим тенденциям трансформации жизненных позиций россиян в течение последнего десятилетия². Действительно, прежняя биполярность установок постепенно оказалась приглушена, а поверх нее появился слой крайне пестрых и противо-

* Основные положения выступления А.М.Салмина см. в статье «Пока не... (О фундаменте здания, которое строили начиная с крыши)» // Независимая газета. 12.04.2000.

¹ Ильин М. *Природа и смысл центристской политики // Власть. 1998. № 8–9; Он же. Альтернативы политического и социально-экономического развития России в контексте выборов // Политична думка. 1999. № 3.*

² Мелешкина Е.Ю. *Российский избиратель: установки и выбор // Гельман В., Голосов Г., Мелешкина Е. Первый электоральный цикл в России (1993–1996 гг.). М., 2000.*

³ Мелешкина Е.Ю. *Выборы 1999–2000 гг. сквозь призму предыдущего электорального цикла // Там же.*

⁴ Подробнее см.: Ильин М. *Альтернативы...*

Непредубежденный анализ заставляет признать высокую степень преемственности реактивной политики, осуществлявшейся с 70-х годов до наших дней, при всех контрастах конкретных решений и, главное, стилей осуществления политики, связанных с именами Л.И. Брежнев, М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина.

речивых предпочтений, когда именно прагматические критерии могут обеспечить взаимодействие в политике. И все-таки приходится признать, что ставшие в этих условиях крайне популярными лозунги рациональной политики, деловитости и прагматизма все еще остаются во многом мечтаниями о рациональной государственности и прагматической политике. Это можно объяснять различными обстоятельствами, однако я бы выделил вполне естественную в наших условиях торопливость. Рациональная государственность нужна сейчас. Нет ни времени, ни сил для ее постепенной выработки, пестования. Нет необходимой исторической дистанции и ресурсов, в том числе интеллектуальных, для долгосрочной и надежной рационализации политики. Хочется получить все и сразу. Так, столь необходимый прагматизм оборачивается мечтой о прагматизме.

Некоторая сдержанность и даже скептицизм моих оценок нынешнего поворота к рациональности отнюдь не мешает признавать коренного изменения дел при сопоставлении первого электорального цикла 1993–1996 гг. с нынешним, охватывающим 1999–2000 гг.³ Прежние манихейские заклинания о «судьбоносном выборе» только маскировали безальтернативность реактивной политики, связанной с трендом системной деградации⁴. Нынешний дискурс прагматизма – примета того, что данный тренд себя исчерпывает, и вполне реальной становится проблема оценки и выбора иных политических курсов. При внешней безальтернативности выбора в марте 2000 г. Россия, по существу, оказывается перед историческим вызовом именно сейчас. Верховной власти предстоит отвечать на вызов, связанный с исчерпанием реактивной политики последних трех десятилетий⁴.

Дать ответ крайне сложно. Хочу предостеречь от торопливости, а также от идеологизации той или иной альтернативы. Это не означает, однако, что долгосрочное целеполагание, тем более идеологически и идейно хорошо проработанное, не нужно. Наоборот, необходимо рационально обосновать новую версию «русской идеи» (это достаточно привычно для отечественных идеологов), а также сделать «государственный расчет интереса» современной модификацией русской идеи (это непривычно и гораздо труднее). И одна, и другая задачи связаны и не могут решаться изолированно. Именно поэтому требуется соединить проработку технологии политических альтернатив с их идейным обоснованием.

Переход к развивающему тренду потребует от руководителей страны осуществления постоянных корректировок и своих дискурсов «идей», и соответствующих политических действий. Нам предстоит пережить достаточно напряженный и, возможно, длительный период, когда при сохранении прежнего тренда деградации и реактивной политики можно будет накапливать потенциал развития. Строго говоря, время для осуществления собственно политики развития еще не настало. Как уже отмечалось, нужно несколько лет, может быть, целый избирательный цикл для того, чтобы в рамках замедления и остано-

ки тренда системной деградации накопить необходимый потенциал развития. Этот период высокой качественной неопределенности (уже не реактивная, но еще не развивающая стратегия) потребует выработки соответствующего набора альтернативных политических курсов и проведения правительством в высшей степени изощренной политики компромиссов.

Ответ на исторический вызов серьезно осложняется высокой инерционностью отечественной политики, жесткими эволюционными ограничениями, а именно крайней устойчивостью самодержавной конфигурации власти.

Мне уже доводилось обращать внимание на троекратное воспроизведение в отечественной истории четырехблочной с самодержавным ядром конфигурации власти⁶. Представляется вполне оправданным характеризовать самодержавную систему правления до апреля 1906 г. как несовременную и потому доконституционную, после – как дуалистическую, соединяющую октроированную протоконституцию с личным правлением самодержца, советскую систему – как номинальный конституционализм⁷, наконец, нынешний политический строй – как возвращение к новой версии дуалистической системы, на этот раз соединяющей мнимый конституционализм⁸ с личным правлением президента.

Показательно функциональное тождество царя, генсека и президента во всех трех системах правления, на что, например, указывают Л.Ф.Шевцова и И.М.Клямкин: «Политический субъект, разумеется, существовал всегда, но он пребывал в единственном числе (самодержец или генеральный секретарь правящей партии), вбирая все властные полномочия и будучи выведенным за пределы реальной ответственности»⁹. На те же особенности обращают внимание Ю.С.Пивоваров и А.И.Фурсов: «В XVI–XVII вв. становящаяся русская власть лишила значимой субъектности, или субъективной энергии, все то, что с киевских времен выступало в роли исторических субъектов: церковь, боярство, княжество, Господин Великий Новгород и т.д. Это похищение, экспроприация субъектности, а в известном смысле европейскости и даже христианскости, в пользу одного и только одного сегмента социума и есть великая тайна русской власти, над которой все XIX столетие билась русские умы»¹⁰.

Уточняя мысль авторитетных исследователей, добавлю, что культуры всех модификаций самодержавной власти, включая советскую, и их настоящих культурных образцов, а не идеологических «обманок» – православных, коммунистических или «демократических», – в целом близки или совпадают.

Коль скоро воспроизведение самодержавной конфигурации власти не случайно (впрочем, как и слабых, подчиненных, но все же относительно автономных институтов властных отношений, созданных путем симуляционной или имитационной модернизации), возникает вопрос: происходит ли воспроизведение самодержавия каждый раз

⁶Ильин М.В. *Очерки хронополитической теории*. М., 1995. Ч. II–III.; Он же. *Политическое самоопределение России // Pro et contra*. 1999. № 3; Он же. *Укоренять изменения в традиции // Полис*. 1999. № 4.

⁷Медушевский А.Н. *Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе*. М., 1997. С. 482–563.

⁸Там же. С. 591.

⁹Независимая газета. 7.07.1999.

¹⁰Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. *Правореемство и русская власть: история и современность // Политика*. 1998. № 1. С. 78.

заново, на основе чистой деспотии? Факты этого не подтверждают. Даже Октябрьская революция и гражданская война не расчистили политическое поле «до основанья». Происходит наследование, а значит, существует проблема правопреемства. При этом советский период – органичное звено традиции. Более того, учет отклонений от простой деспотии, опыт анклавной политической практики, ее институциональное закрепление – все это нуждается в сохранении и легитимации как раз для того, чтобы затруднить бесчинства самодержавных стихий в их деспотической простоте.

Возможно ли изменение нынешней, самодержавной конфигурации власти? Утверждают, что подобные системы правления неререформируемы. Да, задача сложна, но вполне решаема. А что касается неререформируемости царизма, коммунизма, а нынче ельцинизма, то хоча заметить, что для того, кто не знаком с таблицей умножения, нерешаема и элементарная задача извлечения квадратного корня. Практика последних двух веков показывает, что реформы не только возможны, но неизбежны, что срывался процесс накопления потенциала развития из-за поспешности, недомыслия, а главное, непонимания сути и форм модернизации. Нельзя пользоваться упрощенными школьными схемами, усвоенными второпях и превращенными в «светлые идеалы», а затем впадать в уныние из-за их несоответствия действительности и заявлять, что она неререформируема.

Ничто новое не появляется в чистом и законченном виде. В политической науке обсуждается дилемма курицы и яйца: граждане создают гражданское общество или гражданское общество – граждан, демократы – современную демократию или наоборот? Берусь утверждать, что развитие практически всегда выглядит половинчато, тем более при рассмотрении не в перспективе столетий, а с точки зрения одного дня. Поэтому не надо требовать от политиков и граждан, чтобы они немедленно и полностью отринули укоренившиеся навыки организации властных отношений. Нужна терпеливая повседневная работа, установка на совершенствование взаимоотношений власти и общества и знание хотя бы некоторых способов превращения старого в новое, примитивного в развитое, несовершенного в совершенное (если вспомнить идею Аристотеля о политике как «совершенном правлении»).

В современной политической науке, например, существуют модели того, как кризис и конфликт элит может через серию шагов, начиная с вульгарного сговора старых элит, привести к укреплению демократии. А ведь существуют и другие согласительные модели, ведущие к развитию. В политической теории известны такие типы соглашений, как общественный договор, исторический компромисс, демократический пакт и т.п. Сравнительная политология рассматривает практические способы реализации подобных соглашений в самых различных условиях.

Не вдаваясь в детали, отмечу два важных момента, выявленных сравнительными исследованиями. Первое: возникновение *патовых*

ситуаций благоприятно для достижения соглашений. Второе, более конкретное замечание, состоит в том, что модернизирующие соглашения и пакты не затрагивают проблематики ценностей и убеждений. Это касается и пресловутого согласия о прошлом. Главное – согласиться не соглашаться о прошлом, быть разными. Без этого немислим действительный политический плюрализм. А вот имперским системам, включая их самодержавные версии, согласие о прошлом жизненно необходимо для оправдания своей исторической миссии.

В заключение несколько соображений о подходах к реформированию нынешней версии самодержавия. Наивно искать решения в потоке повседневных политических ухищрений или даже в опыте успешного руководства «отдельно взятым» регионом или ведомством. Требуется использование достижений науки, в частности, хронополитического подхода. Он позволяет наметить ориентиры восполнения эволюционных пробелов, а также модернизации. Особенно большое значение в этом отношении имеет использование опыта и уроков ранних модернизаций XVI–XVIII столетий в Европе (как в рамках классической эндогенной модели, так и в ее отклоняющихся версиях), а также имитационно-симуляционных модернизаций в таких странах, как Мексика, Бразилия и Индия (причем последняя еще более хронополитически «растянута», чем Россия). Однако наиболее существенен опыт Японии, которая реставрировала автократию для обеспечения модернизирующего развития. Японская версия «самодержавия» оказалась совместима с модернизацией.

Японская модель и некоторые идеи европейского конституционализма могут служить подсказкой при реформировании нынешней конфигурации власти. Коль скоро радикальный разрыв с традицией чреват потрясениями и катастрофой, а традиция неразрывно связана с самодержавием, надо сделать самодержавие рамкой новой конфигурации власти, наполнив ее новой субстанцией и придав новое оформление, как это и сделали японцы. Наиболее рациональна и операциона в этом отношении идея Б.Констана о превращении монарха в особую посредующую власть, все полномочия которой связаны со сдерживанием негативных действий других властей, их примирением «сверху». Ему же принадлежит идея муниципальной власти, смиряющей функционально дифференцированные власти «снизу».

Нечто подобное может быть сделано в России: президентская власть возьмет на себя роль интегрирующего политического авторитета, который бы под стать микадо или констановскому монарху не мог исполнять какие-либо конкретные функции кроме функций интегратора и посредника. Данное предложение, при всей его кажущейся идеальности, вполне практично и может быть подкреплено программой целой серии логически связанных реформ и, что еще важнее, пактов между участниками отечественного политического процесса. Думаю, что на нынешнем уровне развития политическая наука вполне могла бы стать ведущим участником разработки подобной программы.

Завершая свое выступление, хотел бы откликнуться на ряд высказанных коллегами идей. Мне представляется, что связь между легитимностью власти и популярностью личности и отдельных действий властителя далеко не однозначна. Самодержец отнюдь не нуждается в популярности. Главное в обеспечении его легитимности – отказ всех остальных от своей субъектности. Показательно, что еще до начала нынешней президентской и даже думской кампании многие политики начали активно искать, к кому бы «прислониться». За этим стоит неуверенность новоявленных политических субъектов (прежде всего «партий») в своей субъектности, от которой они с удовольствием стараются отказаться. Вопрос был только, в чью пользу. И с появлением самодержавного наследника наступил момент, когда стало возможно отказаться от бремени субъектности (и ответственности) и переложить его на этого наследника.

После президентских выборов самодержавный синдром будет проявляться в той или иной форме. Возможна и даже наверняка произойдет утрата новоизбранным президентом популярности. На мой взгляд, эта утрата основаниям властвования самодержца, моносубъекта сильно повредить не может. Конечно, мешать в повседневных делах она будет, но, пусть даже самодержец не нравится, тем не менее, он есть тот самый моносубъект, на которого хочешь не хочешь надо ориентироваться.

Должен признать, что данная тенденция не абсолютна. Можно говорить о самодержавной тенденции, но есть и, пусть недостаточно выраженное, устойчивое сопротивление со стороны новых, только возникающих субъектов. Здесь очень много зависит не от краткосрочных изменений, а от того, какие стратегические решения будут приняты. Совершенно верно, что возможны две крайности, между которыми располагаются какие-либо варианты. Одна крайность связана с тем, что И.Клямкин обозначил как воспроизводство нынешней практики и ее дальнейшее усугубление, т.е. спонтанное развитие самодержавных инстинктов не только власти, но и подвластных. В большей степени эти инстинкты присущи именно обывателям от политики, «подданным», как раз и провоцирующим поворот, так осязаемый в последнее время. Другая крайность – содействие созданию новых субъектов, которые конкурировали бы между собой и впоследствии могли бы стать конкурентами для этого моносубъекта. Вероятно, опасности и того и другого подхода достаточно весомы, и вряд ли власть примет определенный поворот в одну из этих сторон. Скорее всего мы будем иметь дело с неким компромиссом, когда усиление властного самодержавного начала будет сочетаться с дозированным разрешением на возникновение всякого рода субъектов, поначалу другого веса и другого масштаба, не могущих бросить вызов властному центру. Прежде всего приходят на ум губернаторы. Однако их положение и функции очень противоречивы. Они, с одной стороны, превращаются в альтернативные субъекты власти, с другой –

воспроизводят, пусть даже в своих региональных масштабах, самодержавную конфигурацию.

После победы на выборах президент не только не захочет, но и вряд ли сможет допустить консолидацию альтернативных субъектов власти, особенно на федеральном уровне. А вот смириться или даже поощрить существование субъектов иного масштаба, на других уровнях – это вещь гораздо более допустимая. И если говорить о конституционных реформах, то можно было бы ожидать поощрения региональных институтов и институтов местного самоуправления, хотя это и не соответствует нашей отечественной традиции, но все традиции когда-либо модифицируются.

И последнее замечание. Мне представляется, что нынешний Совет Федерации как собрание региональных самодержцев может уже в нынешней ситуации быть все менее интересным и более опасным с точки зрения центральной власти. Возможно, что вновь будут озвучены идеи о профессиональном Сенате, куда бы сенаторы избирались, а не занимали свое место по должности. В случае развития региональных институтов их совокупное представительство на федеральном уровне может встретить некое противодействие.

Е.Б.Шестопал

ЦЕННОСТНЫЕ ВЕКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Президентские выборы 2000 г., в отличие от предшествовавших им парламентских, не вызвали ни массового энтузиазма, ни видимой борьбы различных политических сил. По стилистике они были довольно скучными и вялыми. Но если отвлечься от поверхностных деталей кампании, то следует признать, что эти выборы играют в политической истории России особую роль. Они подводят черту под ее предшествовавшим развитием и открывают новую страницу: с политической сцены уходит целое поколение политиков, находившихся в последнее десятилетие в центре принятия решений.

Но дело даже не в смене состава истеблишмента. Главное – на зрела смена политических приоритетов, а вернее, пришла пора определить их. Официально провозгласив отказ от советской модели государства и социалистических ценностей и объявив о начале демократизации, правящие элиты так и не сформулировали смысл этого процесса. Невнятными и хаотичными были воззрения лидеров демократической власти на инструменты демократизации и ее цели. Отсюда противоречивость конституции, чехарда законов и указов, бесконечные конфликты ветвей власти, центра и регионов. Система демократических ценностей транслировалась и продолжает транслироваться от элиты к массовому сознанию в неясной и путаной форме. Не удивительно поэтому, что идеологическая поляризация начала 90-х годов

сменилась «деидеологизированностью», которая привела к релятивизму в отношении базовых моральных и политических ценностей.

Такое состояние общества, с одной стороны, делает возможным легкое манипулирование избирателями, о чем свидетельствует широкое распространение разного рода «грязных технологий». С другой стороны, ценностная «невыстроенность», неструктурированность массового сознания – признак аномии, грозящей подорвать духовное здоровье нации на долгие годы. Она проявляется в политической апатии, пассивности большинства населения. Высокие проценты явки на выборы не могут заслонить того факта, что политика в целом, власть, правящие группы рассматриваются населением как не только не заслуживающие доверия или симпатии, но и чуждые, противостоящие обществу.

Ценностная аномия имеет и более опасные долгосрочные последствия. Уже сейчас в младших возрастных когортах преобладают люди, выросшие в атмосфере вседозволенности и не имеющие четких моральных приоритетов. У них нет позитивного образа мира вообще и мира политического в частности. Они усвоили либеральный набор ценностей на вербальном уровне, а на поведенческом – это скорее не либеральная, а анархическая модель. Представители данного поколения полагают, что социальные преобразования должны происходить без их участия, они политически пассивны и не склонны нести ответственность за свою страну. Дезориентированы и представители других возрастных групп, которые потеряли старые приоритеты и так и не приобрели устойчивых новых.

Независимо от того, каким будет расклад сил вокруг нового президента, ему и его команде придется решать задачу, связанную с выстраиванием политических ценностей. Без этого никакая экономическая или политическая стратегия не будет работать. Между тем выработка системы политических приоритетов и ценностей не может быть выполнена мгновенно и по заказу. Об этом, к примеру, свидетельствует неудача, постигшая тех, кому в свое время было поручено создать «национальную идею». Для формирования новой системы ценностей требуется и развитие нормальной многопартийной системы, в рамках которой происходит осознание интересов отдельных групп общества, и создание определенных организационных условий.

Необходимы не только выработка некоего согласия по поводу базовых ценностей и целей развития страны внутри политического класса, но и налаживание диалога власти и общества, трансляция ценностей «официальной идеологии» всем группам населения. Особенно велика здесь роль системы образования на всех ее ступенях и средств массовой информации. Последние до сих пор использовались лишь для решения краткосрочных задач накануне выборов. Между тем этот инструмент воздействия имеет значительно более широкие возможности.

Центральная проблема сегодня – оценка нынешней ситуации в контексте нашей тысячелетней истории. Отправная точка – это осо-

знание того, что все последние годы Россия была в состоянии серьезного кризиса. Страна переживала трудное время: резко сокращалась численность населения, разрушалась структура производства, истощались природные ресурсы, не утихали этнические и социальные конфликты. Россия стала все больше отставать от наиболее развитых стран мира в области передовых технологий и производства и сдвигаться на периферию мировых политических и экономических связей.

Российские проблемы – это не только наша внутренняя беда. Одновременно с ними нарастал глобальный кризис. Все человечество столкнулось с новыми вызовами. Люди обрели небывалое технологическое могущество, но по-прежнему не знают, как справиться с опасностями разрушения окружающей среды, не умеют разрешать социальные и национальные конфликты.

Трудно рассчитывать, что свои экономические или политические проблемы Россия может решить, изолировавшись от мира, закрыв глаза на то, что мы являемся частью более сложной системы. Наши стратегические цели не могут быть целями спасения отдельно взятой страны.

Нынешний кризис больше всего затронул духовную, нравственную и психологическую сферу. Сегодня в обществе как никогда ощущается нехватка высоких целей, духовная опустошенность, утрата ориентиров. Без достойных целей, объединяющих общество, государству трудно рассчитывать на успех самой разумной стратегии.

Предшествующее десятилетие было периодом многообразных разрывов и разломов. Вообще Россия – страна, в которой не однажды свалась «связь времен». В нашей истории уже бывали подобные моменты: Петровские реформы, революция 1917 г., перестройка М.Горбачева. В начале 90-х годов Россия отмежевалась от советского прошлого. Российское общество в прошлом каждый раз находило в себе силы, чтобы соединять нить истории и передавать новым поколениям коренные ценности, позволявшие сохранить национальную целостность. Даже революция 1917 г., которая, казалось бы, разрушила политическую культуру «до основанья», затем воссоздала многое из отечественной исторической традиции.

Ныне Россия не только оторвалась от бывших республик, где проживает большое число русских. Она все больше теряет те духовные связи, которые столетиями связывали нас с народами этих республик. Многие из бывших союзников в Восточной Европе заняли не слишком дружелюбную позицию по отношению к России. С нею стали меньше считаться в международных делах, она утрачивает статус великой державы. Но самое главное, что и сами мы, занятые внутренними проблемами, потеряли былой интерес к мировым проблемам, добровольно обрекая себя на изоляцию.

Пространственный разрыв ощущается и внутри России. Усилились противоречия между регионами и центром, а также между отдельными регионами. Если не положить конец этим процессам, под

угрозой окажется само существование российского государства, которое может повторить судьбу СССР. Пока в обществе обсуждается лишь поверхностная часть проблемы – восстановление более жесткой вертикали власти. Вопрос, однако, отнюдь не сводится к управляемости регионов, он сложнее и психологически глубже. В кризисные моменты обнажаются те «швы», которые прежде скрепляли Российскую империю и Советский Союз.

Российское общество расколото в идейном и духовном отношении. Разрушив монолитность, существовавшую в прошлом, мы пришли к множественности политических, религиозных, культурных ценностей. Это нормально для государства, которое движется в направлении демократии и обеспечивает свободу выражения разнообразных политических убеждений. Но десятилетие реформ опасно поляризовало общество. К счастью, нам удалось избежать не только серьезной конфронтации, но и найти основу для будущей консолидации общества.

Если предыдущее десятилетие было периодом разрывов и конфликтов в обществе, то предстоящее должно стать временем «собираения камней». Россия может не только выжить и сохранить свое единство, но и совершить рывок в будущее, заняв достойное место в мире в XXI в. Для этого нам предстоит соединить разорванную «связь времен», обеспечить целостность своей территории и обрести духовное единство нации.

Представляется, что одна из главных задач следующего десятилетия – это воссоединение со своей историей, реконструкция наиболее плодотворных традиций российской культуры. Россия в начале нового века снова стоит перед выбором: с какими историческими моделями связать свое политическое будущее – с Российской империей дореволюционного периода, Советским Союзом или демократическим проектом постсоветского этапа.

Поиск нового курса не будет плодотворным, если ушедшее десятилетие вновь подвергнуть ревизии, списывая на прежнюю власть все просчеты, и тем самым разрушить наметившееся согласие. Стратегия нового курса должна опираться на достигнутое, исправляя ошибки и просчеты.

Представляется, что главным условием возвращения России на «столбовую дорогу» своей истории является оздоровление морального климата в стране. Необходимо, чтобы граждане доверяли власти, а власть могла опереться на своих граждан, без этого никакая стратегия, никакие реформы не будут действенными.

Поэтому первой и главной целью и ценностью нынешней стратегии государства должен стать человек. Индивидуальная свобода, права человека, свобода совести – это не просто декларации. Если мы хотим, чтобы с нами считались в мире, государство должно научиться считаться со своими гражданами, уважать их, оберегать и защищать их права и свободы.

Весь мир сегодня движется к признанию приоритета ценностей более важных, чем материальное благополучие (устойчивое развитие, здоровый образ жизни, сохранение окружающей среды, развитие личности и духовное совершенствование). Эти ценности как нельзя лучше соотносятся с такими традиционными приоритетами российского сознания, как служение родине, самопожертвование, солидарность и взаимопомощь.

Создать такой моральный климат в стране нельзя с помощью декретов. Это долгий путь воспитания и образования. Следовательно, приоритетами государства должны стать инвестиции в образование, науку, культуру, поддержка основных конфессий, которые могут вернуть людям высокие ценности.

Восстановление коренных функций государства – вторая важнейшая составляющая стратегии ближайшего десятилетия. Прежде всего необходимо, преодолев центробежные тенденции, сохранить целостность страны. Потребуется специальные усилия для консолидации общества вокруг единого центра власти. Опорой государства при этом остается одна из ключевых ценностей, сохранившихся в национальном сознании, – патриотизм.

Другой задачей государственного строительства является достижение большей сбалансированности политической системы. Дисбалансы ветвей власти, отсутствие традиций плюрализма требуют кропотливой работы по внедрению подлинно демократических форм управления. Необходимо совершенствовать конституционно-правовые механизмы, обеспечивающие баланс ветвей власти.

Для укрепления государственной власти одновременно с сохранением выборности ряда постов целесообразно вернуться к системе назначений. Исполнители не должны меняться после каждых выборов. Общество должно контролировать чиновников. Необходимо обеспечить стабильность и преемственность в их рядах. Без этого они не станут тем мотором, который приведет в исполнение решения, принятые на политическом уровне.

Успех новой власти будет зависеть от того, обретет ли общество главную ценность – ценность единства, связав будущее с прошлым и настоящим, скоординировав цели центра и регионов, достигнув высокой степени духовной консолидации.

В нашем обществе, по-видимому, уже утвердились демократические ценности. Отказ от них неприемлем для большинства граждан. Одновременно россияне устали от хаоса, неупорядоченности власти и ожидают от государства большей последовательности и справедливости.

В российском обществе есть понимание того, что страна должна идти по пути создания сильного, устойчивого государства, которое могло бы обеспечить модернизационный рынок, опираясь на ценности патриотизма. Но усиление государства, подчеркну это еще раз, не означает для нас возврата к тоталитаризму или авторитаризму. Рос-

сийское общество осознает ценность свободы и хотело бы, чтобы власть гарантировала основные права человека, социальных и этнических групп, культурно-конфессиональное разнообразие. В основе наших отношений друг с другом и с миром должна лежать ценность справедливости, которая традиционно составляет ядро национально-го характера россиян.

Сегодня велик риск того, что экономическая стратегия будет основана на одних ценностях, внутривластная – на других, а внешнеполитическая – на третьих. Избежать этого можно, пробудив у политической элиты потребность в интеллектуальной проработке общего для всех ее групп видения желаемого будущего и миссии, ради которой она призвана во власть.

С.И.Каспэ

ПОДВОДНЫЕ КАМНИ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Чтобы мои рассуждения о характере будущего президентства были более конкретными, допустим, что имя нового главы государства нам уже известно – это Владимир Путин. И если это так, то известен и девиз предстоящего правления: «Рациональность и прагматизм».

Но рациональность в этом контексте может пониматься двояко. Речь может идти о рациональности инструментальной, рациональном выборе средств – и о рациональности целеполагания. Что обещает рациональность первого рода, достаточно ясно, и каких-либо принципиальных проблем в этой области не ожидается. Насколько можно судить, Путин просто хочет, чтобы все звенья государственного аппарата (в первую очередь и как минимум именно его) функционировали примерно так, как это задумано, чтобы налоговые службы действительно могли собирать налоги, чтобы армия могла воевать, МИД – заниматься иностранными делами, а МВД – внутренними. Разумеется, в российских условиях эта программа утопична, но это понятная утопия. Конечная цель движения недостижима, но само движение в эту сторону вполне реально, и в технологическом совершенствовании российской государственности нет ничего заведомо невозможного.

Проблемой является рациональность второго рода. Сегодня Путин пытается понять, чего он, собственно, хочет, чего ради вообще следует совершенствовать государство, и пытается понять это при помощи тех же самых рациональных приемов, создавая Центр стратегических разработок и т.п. В достаточности такого подхода есть серьезные сомнения. Я полагаю, что чисто рациональным целеполаганием на национальном уровне быть не может, оно может быть только производным от некоего масштабного ценностного выбора, причем в идеале должен более или менее совпасть ценностный выбор верховной власти, элитных групп и народа в целом. Эффектив-

ная национальная стратегия определяется, используя веберовскую терминологию, только ценностно-рациональным, а не целерациональным образом – точнее, только определяясь таким образом, стратегия имеет шанс превратиться из кабинетной разработки в реально действующий национальный интегратор.

Главная опасность новой эпохи состоит не в том, что президент захочет чего-то чрезвычайно дурного, сделает выбор в пользу каких-то людоедских ценностей – это все же представляется крайне маловероятным, в том числе и потому, что очевидная контрпродуктивность такого выбора в условиях современного мира неизбежно вступит в противоречие с объявленным девизом правления. Главная опасность состоит в том, что президент так и не поймет, чего он хочет, к каким ценностям стремится сам и увлекает страну.

Это обесценит все усилия, вложенные в инструментальную рационализацию, потому что станет непонятно, зачем она предпринималась. Это очень быстро дискредитирует президента и в элитном, и в массовом восприятии. Ведь полученный им фантастический кредит доверия, действительно выраженный в восторженном отказе и участников политического процесса, и населения в целом от собственной субъектности, на самом деле подразумевает и очень существенные обязательства со стороны того единственного актора, кому весь этот резерв субъектности передается. И смысловой центр этих обязательств – именно необходимость совершения ценностного выбора, совершения его за всех тех, кто уступил президенту право на него вместе с неизбежно сопутствующим выбором бременем ответственности. Наконец, отсутствие ценностного выбора повлечет за собой появление разнообразных угроз президентской власти, главным содержанием которых будут конкурирующие проекты ценностного выбора, в том числе самые экзотические и, вполне возможно, как раз людоедского толка. Соответственно последуют жесткие действия по блокированию этих угроз – тем более жесткие, что последним будет нечего противопоставить на том же онтологическом уровне, одной инструментальной рациональности окажется недостаточно.

Таким образом, главный вопрос новой эпохи и главная проблема нового правления – будет ли совершен и как скоро хоть какой-то ценностный выбор, сможет ли Путин выйти за пределы инструментально-рациональной политики. А главная задача интеллектуальной элиты – способствовать этому выходу. При этом следует не столько пытаться запрограммировать его содержательно (еще раз повторю, что почва для серьезных опасений на самом деле отсутствует, а излишняя настойчивость в деталях и стремление к мелочной опеке могут и повредить делу), сколько облечь именно в форму ценностного, сущностного, экзистенциального выбора любое определение перспектив российской политики.

С.М.Хенкин

«КОРИДОР ВОЗМОЖНОСТЕЙ» НОВОЙ ВЛАСТИ

Любой президент, стремящийся к модернизации общества, одновременно всемогущ и бессилен. Мера того и другого определяется конкретной исторической ситуацией. В этом свете «коридор возможностей» президента 2000 г. уже, чем тот, который первоначально открывался перед Б.Ельциным. Социально-политическая и социально-психологическая ситуация 1991 г., когда КПСС сошла с исторической сцены, все находилось в состоянии броуновского движения и существовала возможность создания совершенно новых общественных структур, принципиально отличалась от нынешней, когда многое уже сложилось и отстоялось.

Президент, избранный в 2000 г., будет действовать в системе более жестких ограничителей. Их по меньшей мере три. Первый – очень непростое социально-экономическое состояние страны, необходимость выпутываться из долговых обязательств, создавать условия для роста производства.

Второй ограничитель – позиция влиятельных групп элиты, преуспевших в переходный период и ориентирующихся на сохранение статус-кво.

Третий ограничитель – слабость и коррумпированность системы власти, ее крайне малая способность к осуществлению перемен. И это главный ограничитель, потому что в России в условиях неразвитости гражданского общества и слабости среднего класса только государство может быть ведущим субъектом модернизации. Сложилась парадоксальная ситуация: сила, которая призвана быть основным агентом изменений, становится главным тормозом на их пути.

В этих условиях первоочередная задача, ключ к решению проблем страны – восстановление нетоталитарной государственности. Усилив управляемость обществом, высшая исполнительная власть сразу расширит «коридор» своих возможностей.

Бесспорно, серьезный ресурс В.Путина – высокий уровень общественного доверия. Его харизма объясняется, на мой взгляд, двумя основными причинами, наложившимися друг на друга. Первая состоит в том, что, избрав нынешний курс в Чечне, власть впервые за последние несколько лет сумела ответить на сформировавшийся общественный запрос. В социуме не изменились ценности. Произошло другое: изменился образ власти.

Второй причиной, определившей фантастический рост рейтинга Путина, а до этого ошеломляющий успех на парламентских выборах только что образованного блока «Единство», стала высокая степень внушаемости россиян, их «податливость», послушность власти – компоненты традиционной авторитарно-патриархальной культуры, сохраняющиеся в общественном сознании. В обстановке всеобщей усталости и падения доверия к основным политическим институтам

эти особенности менталитета россиян дали знать о себе с особой силой, соединившись с потребностью в сильном национальном лидере. Добавлю к этому, что, по имеющимся оценкам, примерно 50% россиян не обременены твердыми идеологическими убеждениями, их сознание «разорвано». Они и за рынок, и за широкое государственное регулирование экономики. Эта часть населения без больших колебаний принимает то, что ей предлагают.

И все же существует принципиальная разница в характере поддержки Ельцина в 1991 г. и Путина в 2000 г. В 1991 г. десятки миллионов людей боролись и переживали за Ельцина, идентифицировали себя с ним. Сейчас такой глубокой эмоциональной связи нет. И это проблема не только Путина, а любого послеельцинского кандидата в президенты. История с рейтингом Е.Примакова, стремительно взметнувшимся вверх, а затем также стремительно упавшим, показывает, как легко меняются общественные настроения, не подкрепленные личным сопереживанием.

В предвыборной тактике Ельцина и Путина есть, в числе прочего, одно принципиальное различие. Ельцин оба раза шел к власти под флагом демократии и антикоммунизма. Путин выступает как объединитель нации, миротворец, не делящий политический спектр на «своих» и «чужих». Разница в подходах не случайна. В последние годы российское общество сдвинулось к центру. В определенной степени об этом сдвиге свидетельствует размывание самостоятельного сегмента некоммунистических националистов в избирательном корпусе. На недавних выборах в Государственную Думу националистический, имперско-державнический компонент присутствовал в политике и идеологии и левых, и правых. Результат, достигнутый «Союзом правых сил», показал, что сочетание либеральной программы с поддержкой военных действий правительства в Чечне находит поддержку в обществе. Все ждут от Путина наведения порядка, решительности и эффективности, хотя в эти слова зачастую вкладывается разный смысл.

Можно попытаться спрогнозировать вектор движения новой власти в обозримом будущем. Новый курс, вероятно, будет включать «умеренный либерализм» в экономике; укрепление вертикали власти, предполагающее, в частности, сохранение «слабого» парламента и ограничение самостоятельности губернаторов; наведение в стране порядка, укрепление дисциплины; независимую внешнюю политику, опирающуюся на национальные интересы.

Коренной вопрос состоит в том, удастся ли «твердой руке» сохранить и развить главные достижения реформ – ростки гражданского общества, предприимчивость экономически активных слоев? Вопрос можно поставить значительно шире. Сможет ли Россия, не сходя с демократического пути движения, найти ответы на многообразные проблемы, перешедшие «по наследству» от советской эпохи, возникшие в ходе перестройки и реформ 90-х годов, порожденные современ-

ной глобализацией? Сумеет ли страна, оставаясь в режиме демократии, обрести новую национальную идентичность, политически самоопределиваться, создать прочные основы государственности?

В рамках прогностической логики встает и еще один принципиально важный вопрос. Как долго может просуществовать в России полуавторитарный-полудемократический тип власти, это переходная, относительно кратковременная ступень к некоему новому качеству властвования или длительная историческая полоса? На мой взгляд, возможны оба варианта.

Первый вариант. Гибридная форма власти становится переходной ступенью, мостом к более четко оформленному политическому режиму – либо твердой демократии, либо жесткому авторитаризму.

Второй вариант. Новое президентство продолжает (вслед за ельцинским) длительную историческую полосу существования в России «незрелой демократии», различных форм полудемократических-полуавторитарных режимов, воплощающих некий синтез либеральных и традиционных элементов отечественной политической культуры. В случае такого развития событий российская ситуация будет напоминать ту, которая существует во многих странах «третьей волны» демократизации. Тамошние реалии – это различные модели неконсолидированных демократий, постоянные сужения и расширения «пространства свободы». Состояние общественной системы, которое с точки зрения западной «классики» считается переходным, становится для этих стран неизменной нормой жизни. В России длительный период существования гибридных политических режимов может стать временем поиска и отлаживания демократических форм, адаптированных к ее национально-исторической специфике.

То, какой из этих вариантов осуществится, будет зависеть в конечном счете от соотношения сил внутри властвующей элиты и процессов, происходящих в российском обществе.

В.В.Лапкин

ДЕТЕРМИНАНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЫБОРА РОССИИ

Президентская кампания 2000 г. являла собой парадокс: ее интрига виделась не в том, кто из претендентов станет победителем (по этому вопросу разногласий практически не было), а в том, каким окажется в дальнейшем лицо власти, куда поведет страну новый президент. Предвыборная тактика бесспорного лидера кампании, уклонявшегося от принятия каких-либо конкретных политических обязательств и предпочитавшего умеренно-популистские демонстрации, внушала многим аналитикам определенные опасения, что будущий президент как бы освобождается от важных внутренних ограничителей властвования и обеспечивает себе в будущем полную «свободу маневра».

Между тем анализ российской ситуации позволяет, на мой взгляд, говорить о принципиально ином: ограничители будущего правления уже определены теми политическими трансформациями, которые произошли с осени 1999 г. Напомню, к думским выборам 1999 г. Россия подошла в обстановке глубокого политического кризиса, явственного раскола элит и назревающей трансформации институциональных основ постсоветского режима. Политический класс России (или то, что условно можно назвать таковым) был раздираем конфликтом между необходимостью (являющейся следствием рационального понимания собственных стратегических интересов) движения к согласию, к пакту, к конституционализму, разграничению сфер полномочий властей и традиционным неприятием идеи согласия относительно основного вектора исторического развития страны.

Думская избирательная кампания прошла под знаком борьбы двух принципиально различных проектов консолидации политического класса. Хронологически первым начал воплощаться проект, в соответствии с которым инициатива консолидации исходила от самой политической элиты, тем самым сохранявшей за собой функции посредника между государственной властью и обществом. Реализация этого проекта, казалось бы, давала шанс на развитие по оптимистическому сценарию: на основе новой консолидации элиты, освоения ею ценностей демократии, политического компромисса и диалога, подкрепленного распространением принципов корпоратизма, добиваться продвижения к широкой общественной консолидации, к обществу Модерна. К сожалению, роковой для этого проекта стала избранная его лидерами («политическими тяжеловесами», объединившимися в ОВР) стратегия бескомпромиссного антагонизма с верховной властью (замечу, откровенно жертвующая общественными интересами ради плохо понятых узкоклановых).

В итоге успешным оказался иной проект, разработанный и реализованный верховной исполнительной властью, по существу, «в обход» политической элиты, и предполагающий «добровольно-принудительную» ее консолидацию. Для элиты такая консолидация означает перспективу медленной деградации ее посреднической функции между государством и обществом (электоратом). Вместе с тем исполнительная власть, делая ставку на популизм, апеллирующий к ценностям государственного патернализма и державности, получает возможность вступать в отношения с обществом напрямую, минуя всякого рода институциональных посредников. В целом наличие принципиальное упрощение ряда важнейших механизмов политического развития, скрадывание потенциала формирующихся институтов демократии (в этой связи симптоматичны недавние предложения ряда сенаторов об укрупнении субъектов РФ, а также решительный пересмотр думского регламента о «пакетном соглашении», лишаящий Думу возможности эффективно выполнять роль оппозиции исполнительной власти). Следует, впрочем, оговориться, что причину

такого «упрощения» российской политической практики следует искать не столько в чем-либо «роковом замысле», а в той несостоятельности, которую проявили лидеры российской элиты на попрание консолидации и формирования альтернативной «партии власти».

Возвращаясь к проблеме внутренних ограничителей нового президента, отмечу, что «коридор возможностей» не только во многом уже задан, но и выглядит существенно более узким, нежели тот, что был у предшественника. Похоже, что, концентрируя в своих руках «рычаги управления» всеми политическими институтами, всеми «ветвями власти», власть исполнительная (осознанно или бессознательно) стремится к обладанию монополией ответственности за происходящее в стране. Если это так, то подобное стремление радикально противоречит российской политической традиции, для которой инвариантна безответственность власти перед обществом за исполнение функций управления государством; традиционная российская практика понуждает власть к тому, чтобы свои полномочия сделать максимальными, а ответственность – минимальной. До настоящего времени история России не знает примеров удачного, эффективного правления при такого рода отягощении ответственностью (возможно, по замыслу, но не по практике, весьма кратковременной и деталями одиозной, данный проект можно сопоставить с проектом Ю.Андропова).

Вместе с тем после грандиозного политического провала «центристской альтернативы» Б.Ельцину нынешнее развитие событий выглядит действительно безальтернативным. По крайней мере оно оставляет шанс на то, что посредством высокой степени концентрации власти в руках высшего руководства России все же удастся разрешить роковой конфликт между традиционно-исторической обусловленностью отторжения институционально-демократических симулякров и необходимостью их освоения под напором вызовов Современности.

А.С.Кузьмин

АКСИОМАТИКА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ВЫБОРА

Говоря о стратегических перспективах в послевыборный период, я хотел бы сформулировать несколько положений, на мой взгляд, базовых, носящих аксиоматический характер.

Первое. Любой анализ стратегических перспектив складывается из совокупности переменных «цели – стратегии – ресурсы». Мы, как правило, обсуждаем первую пару из этой триады. Однако отказываясь от анализа ресурсных ограничений, мы впадаем в *wishful thinking*, в констатацию факта, что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Говоря о ресурсах, я в первую очередь имею в виду не экономические ресурсы (с ними дела хоть и плохи, но не чудовищны), а социальные, как элитные, так и массовые. Есть – и, похоже, не безосновательное – ощущение: именно социальные ресурсы настолько ог-

раниченны, что в соответствии с разумным целеполаганием пора переходить от программных подходов, т.е. стратегии системы последовательных шагов, к подходам кризисного управления, подходам единственной меры.

Что я имею в виду? Перед нами клубок перепутанных веревок; за большинство из них одновременно в разные стороны тянут различные акторы. Задача – распутать этот клубок целиком. Похоже, что для этого у нас, в отличие от Александра Македонского, нет меча, следовательно, узел нам не разрубить. Программа – это последовательность развязывания разных узлов. Но развязывая один узел и не имея возможности сразу после этого развязать следующий, мы можем (и опыт последних десяти лет это систематически подтверждает) запутать много новых узлов.

Кризисный подход предлагает определить, какая из веревочек нам будет нужнее здесь и теперь, и выпутать ее одну. На это – на одну меру – ресурсов хватит, и у нас будет лежать отдельно от клубка хотя бы одна веревочка, которую по каким-либо причинам мы сочли самой главной. Как правильно эту веревочку выбрать? Видимо, тянуть надо ту, которая больше всего в клубке запутана, чтобы вынув ее, мы все равно, как бы ни были перепутаны другие, часть узлов автоматически развяжем.

Второе положение также касается социальных ресурсов. Весь опыт нашего реформирования строится на презумпции безвоздушного пространства: социальные сети, социальные онтологии и операциональный опыт как бы не существуют. Но эти социальные онтологии и сети есть, и сложились они в большей мере независимо от всякой власти – или, точнее, в отгалькивании от власти. Хорошо ли мы их знаем? Боюсь, что не только политические элиты, но и мы, претендующие на то, чтобы быть элитой интеллектуальной, знаем их чудовищно плохо. Мы даже не умеем верно метафоризовать эти вещи, а значит, грамотно задавать вопросы. Если исходить из культурно-социальных кливажей в нашем обществе, то история последних десятилетий выглядит следующим образом.

При позднесоветской (со времен оттепели) модернизации – закреплении модернизации предшествующего периода – в населении существовало два разных кластера: старгородской, культуротворчески относящийся к городу и способный к городскому кооперативному взаимодействию (приблизительно 10%) и новгородской, культуропотребляющий, атомизированный (около 50%); вследствие того, что старгородское население выступало для новгородского реформистской группой, они поведенчески сливаются при «ослаблении скреп». Отсюда – движенческий, тоталитарный характер «(анти)тоталитарной оппозиции» (выражение И.Кудрявцева), отсюда – «революция ожиданий».

За последние 10 лет старгородской кластер расщепился на маргинализованных, обнищавших «культуротворцев», которые никак референтной группой более быть не могут (это не меньше 6–7%), и вышедших в верхние 10% по доходам, которые ввиду безумного индекса

Джини тоже не могут быть референтной группой (они не воспринимаются как «социально со-положенные», они социально противопоставлены). Итого: половина населения, абсолютно индивидуалистичная, практически не имеющая навыков кооперации и координации, но только субординации, есть чистое mass society per se.

Плебисцитарный характер нашей демократии означает в такой ситуации опору именно на mass society. Из этого следует, что компромиссные и даже консенсусные методы и процедуры принятия решений заведомо будут уступать место автократическим и конфронтационным. Причем из-за ресурсной нищеты режима это не будет авторитаризация (на нее надо очень много ресурсов), но тоталитаризация – жесткая (белорусский путь) или мягкая (украинский путь). И значит, реальный веер возможностей для будущего российского режима ограничен именно украинским или белорусским вариантами.

Все это может казаться слишком пессимистичным прогнозом, но я могу предложить и весьма оптимистичную интерпретацию сказанного. Если попытаться восстановить некоторые инварианты в социальной онтологии, выяснится, что «общинность», по-видимому, есть вещь поздняя и насажденная государством – в противоположность «артельности», «ватажности». Если это так, то «ватажно-артельные» методы решения могут оказаться действительно эффективными. Другой вопрос, что сами подобные методы в государственном масштабе еще предстоит осмыслить и разработать.

И.М. Клямкин

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ: АЛЬТЕРНАТИВЫ

При новом президентстве можно ожидать воспроизведения очень существенной проблемы – неустойчивой ситуационной легитимации власти, обнаружившей себя при Б.Ельцине. Замкнутость российской политической системы на первое лицо не дает устойчивой легитимности, и президент не имеет возможности осуществлять свои функции, порученные ему конституцией, в полном объеме в силу того, что ресурс легитимности, полученный от общества, быстро иссякает. В наших условиях легитимность является синонимом популярности. При падении популярности уменьшаются властные ресурсы и начинается лавирование между различными политическими, экономическими, региональными группами, которое направлено на поддержание власти, что ведет к утрате всякой векторности развития. У В.Путина есть ресурс популярности, но он отнюдь не вечен.

В каком направлении в этом свете могут развиваться события? Первый вариант – воспроизводство статус-кво. Если за год не будут предприняты какие-либо решительные действия, то можно предположить, что начнет восстанавливаться ельцинская практика с достаточно печальными последствиями для страны, ибо стагнация сегодня – это движение назад.

Другой вариант – попытка пролонгировать чеченский синдром, т.е. вернуться на исходную точку обретения популярности. Для этого надо воспользоваться опытом формирования режима личной власти 20-х годов, имитируя новые внутренние и внешние угрозы. Это могут быть пособники чеченских сепаратистов, какие-то группы олигархов (например, московская, петербургская группа) и т.д. Думаю, что в отличие от ситуации 20-х годов для решения задач, связанных с модернизацией, эта политика бесперспективна.

Третий вариант – реформа политической системы. Здесь возможны разные пути. Я не сторонник передачи президенту функций главы правительства, на чем настаивают некоторые политологи и эксперты. Это не решит проблему легитимности из-за специфического устройства российской власти. Институционально у нас президент неуязвим, он ни за что не отвечает, он всегда может сказать «виновато правительство» и убрать его. Став главой правительства, президент сосредоточит в своих руках всю ответственность. А это чревато утратой популярности, и следовательно, легитимности, т.е. способности реализовывать какие-либо властные функции и выглядеть в глазах сограждан как власть, которая вообще в состоянии что-либо осуществить.

Ситуацию усугубит реализация модели, предложенной М.Пруссаком, в соответствии с которой главы регионов не избираются, а назначаются. Дело в том, что выборные региональные лидеры компенсируют слабую легитимность федеральной власти, и это в отечественных условиях становится фактором стабильности при всех тех правильных словах, которые говорятся об особенностях политического поведения региональных баронов.

В этом свете наиболее целесообразен вариант, внянее других артикулируемый В.Рыжковым: смещение полномочий от президента к Думе и правительству, не обязательно сразу, с какими-то конституционными поправками и нормативной фиксацией. Так было во Франции после Де Голля: доминировало изменение политической практики, а не юридической нормы, хотя поправки в конституцию вносились. Учитывая нынешний состав парламента, подобный путь вполне реален и в России.

Вопрос в том, не приведет ли это к еще большей дестабилизации, не ослабит ли президентскую власть как таковую. Думаю, не ослабит, а наоборот, усилит. Ослабляет ее как раз ситуация, когда президент отвечает за все, в том числе за экономику, свет, поставки товаров на Север и т.д. Придание правительству политического статуса и реальной ответственности за экономику освобождает президента от ответственности в этой сфере. За ним сохраняются силовые ведомства, все, что связано с безопасностью и правопорядком. Это в большей степени соответствует российской традиции, чем передача президенту функций главы правительства. Данный вариант и кажется мне наиболее перспективным.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ВЛАСТЬ: ФАКТОРЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

Одна из важных проблем в рамках обсуждаемой темы – степень общественной поддержки нового главы государства. Своеобразный феномен последнего десятилетия – поразительные по амплитуде колебания общественной поддержки руководителей исполнительной власти РФ.

Это касается прежде всего изменений в рейтинге Б.Ельцина: огромная популярность в начале президентства, медленное снижение и затем стремительное падение этой популярности после начала радикальных экономических реформ 1992 г.; новый взлет популярности перед референдумом 1993 г., приведший в конечном счете к событиям в октябре того же года, и новое падение популярности в 1994 г., в особенности после начала войны в Чечне; катастрофическая непопулярность перед выборами 1996 г., в январе, и снова быстрый взлет непосредственно перед выборами, а затем почти немедленное падение по их окончании.

Столь же стремительно изменялись рейтинги Е.Примакова и С.Степашина, которые начинали необычайно быстро расти сразу после назначения и довольно быстро падали после отстранения от должности. В свете сказанного возникает ряд проблем. Не случится ли с поддержкой нового президента то же, что неоднократно случилось с поддержкой Ельцина? Какими факторами определяются столь удивительные колебания рейтингов политиков, находящихся у власти? Какое вообще значение имеет поддержка населения для функционирования исполнительной власти?

Наиболее известное и популярное объяснение колебаний рейтингов ведущих политиков состоит в том, что они непосредственно связаны с PR-активностью средств массовой информации. Мне представляется это объяснение далеко не полным, хотя доля правды в нем есть. Можно ли на самом деле рассматривать российских избирателей как абсолютно податливую и пластичную массу, в столь значительной степени подверженную процессу «промывания мозгов»? Ведь СМИ пропагандировали не только Ельцина, но и А.Чубайса (в особенности телевидение). Чем объясняется быстрый рост популярности Примакова в конце 1998 – первой половине 1999 г. в условиях весьма скептического отношения к нему средств массовой информации? И в случае Ельцина, и в случае Примакова есть другое объяснение, которое, на мой взгляд, позволяет достаточно верно описать сложившуюся ситуацию.

Оно связано с характером российской политической культуры и тем образом власти, который является одной из наиболее важных

ее составляющих. Издавна, и свидетельством тому множество исторических эпизодов, «настоящей» властью в России признавалась только та, которая в критических обстоятельствах демонстрировала высокую степень непредсказуемости и даже произвола. Достаточно вспомнить Ивана Грозного, Петра Первого и И.Сталина. Несмотря на огромные страдания, которые приносил обществу произвол этих правителей, их власть пользовалась прочной и неизменной поддержкой большей части населения. Гипотеза о характере российского понимания власти, которую я хочу выдвинуть, состоит в том, что возможность ее произвола рассматривается населением как ресурс легитимности, т.е. как демонстрация того, что она действительно настоящая. Непредсказуемость и несвязанность власти рациональными сценариями является демонстрацией ресурса поддержки.

Ясно, однако, что такое возможно лишь в критических ситуациях, и именно умелая демонстрация непредсказуемости и иррациональности лежала, на мой взгляд, в основе политической интуиции Ельцина. Такая же демонстрация непредсказуемости внесла значительный вклад в рост популярности Примакова после известного разворота самолета на пути в США. Иррациональное стремление идти до конца в чеченском конфликте стало основой взлета популярности В.Путина. Вопрос состоит в том, что критическая ситуация не может продолжаться вечно. Народ устает от критических ситуаций, и тогда зримым становится отсутствие рациональной основы политики. И при отсутствии в течение длительного периода такой рациональной основы происходит неизбежное падение популярности. Следовательно, центральной проблемой нового президента является следующая – удастся ли ему найти рациональные основы политики, способной вывести страну из кризиса и поддерживать ее в некризисном состоянии, или же снова и снова будут эксплуатироваться особенности кризисной реакции российского общественного мнения на действия власти?

Но здесь неизбежно возникает и другой вопрос: а в какой мере вообще значима общественная поддержка для деятельности исполнительной власти? Мне представляется, что она крайне важна, ибо в конечном счете определяет легитимность действий правительства. Россия является в настоящее время слишком рыхлым, разнородным и слабо институционализированным государством, чтобы власть могла существовать и функционировать сама по себе. Ключевым элементом российской политики являются не взаимоотношения между исполнительной и законодательной властями, как во многих устоявшихся демократиях, а отношения между исполнительной властью в центре и исполнительной властью в регионах. И характер этих отношений практически полностью определяется тем, на чьей стороне реальная общественная поддержка.